

С-110 Следует, - 1995. - 18 дек. - 48

Увяданья золотом охваченный

- А скажи, дяденька, кого ты знаешь из поэтов?
- Пушкина.
- Это, дяденька, мертвый. А вот кого ты из живых знаешь?
- Из живых нема, барин. Мы живых не знаем. Мы только чугунных.

Анатолий МАРИЕНГОФ,
"Роман без вранья"

Великая рязанская мечта

Поскольку Россия столетней давности нием неведома как Атлантида, пойдем простой и чертовски знакомой сегодня дорогой - представим себе нечто американское.

Нет, мы не в Калифорнии и не во Флориде. Мы будто бы где-то между Канзасом и Вермонтом. Маленький городишко на берегу реки. Домов шестьсот. Церковь. Трактиры.. Виноват, - салун. Лавки. Начальная школа. Усадьба когда-то богатеньких, а теперь обедневших землевладельцев-плантаторов.

Жители заняты сельским хозяйством. Хлеб растет. Коровы мычат. Сады цветут. Разводят и лошадок. Лихие ковбои времена от времени яро дерутся, нанося салуну изрядный урон. Правда, широкопольых шляп и кожаных штанов здесь не носят. С огнестрельным оружием слабовато, мордобой пальбою не украшен. Банджо неведомо - гармошка-тальянка аккомпанирует не песенкам кантри, а залихватским частушкам.

Живет, как и в настоящем, в этом рязанском Канзасе и народ побогаче, и народец победнее. Среди последнего - папа с мамой, которые уезжают в большой город на заработки, оставив сына деду. А он как раз из тех, кто побогаче, - с землицией хорошо и баржи есть для доставки грузов по той реке, что протекает возле городка и называется Окою. Наверное потому, что народ местный старательно окает, исправляясь за прошлые грехи, когда говорили тут не "осень", а "есень". И сохранилось это в фамилии нашего плейбоя.

Он подрастает. Способный к учению симпатичный задира, заводила и верховод. Но школа начальная уже позади. Училище в соседнем городишке, который побольше родного, тоже. Пора и за ум браться. Самому зарабатывать на жизнь. И едет плейбой к отцу в

шее, кабы наш плейбой-ковбой не был бы одарен, помимо прочего, честолюбием и не был бы абсолютно уверен, что вот еще чуть-чуть, и будет он первым из первых поэтов.

Все бросив, он едет в Санкт-Петербург. Который, правда, уже был в 1915-м Петроградом - с американским не спутаешь. Алчущий славы герой прямиком направляется к тому, кто действительно слыл тогда первым из первых поэтов. Но дома Блока не оказалось. И пришлося приходить еще раз...

"Если бы мне Блок сказал:

"Пойди, Сережа, ляг мне под ножки, а то моим ножкам что-то твердо", то я пошел бы и лег".

"Знаешь, как я на Парнас восходил?.. Тут, брат, дело надо было вести хитро. Пусть, думаю, каждый считает: я его в русскую литературу ввел. Им приятно, а мне наплевать. Городецкий ввел? Ввел. Соловьев с Чеботаревской ввел? Ввел. Одним словом: и Мережковский с Гиппиусой, и Блок, и Рюрик Ивнев... Говорил им, что еду бочки в Ригу катать. Жрать, мол, нечего. А в Петербург на денек, на два, пока партия моих грузчиков подберется. А какие там бочки - за мировой славой в Санкт-Петербург приехал, за бронзовым монументом..."

И пошло-поехало. Публикации в газетах и журналах. Тусовка в литературных салонах. Времечко для того, чтобы "косять" под наивненского, скромненского, окающего провинциала, "человека из народа", посконного и сермяжного - самое подходящее.

Припомните все-таки историю России - это было время, когда в самом главном "салоне" империи в большом успехе и почете обретался дру-

**70 лет назад
не стало Сергея Есенина.
"Кто кончил жизнь трагически,
тот истинный поэт".
Строить теории о том,
как это случилось, не будем...**

гой посконный и сермяжный - Григорий Ефимович Распутин.

Итут плейбой был призван в армию - второе лето идет война. Оказался искатель успеха не где-нибудь в тумы таракани - в Царском Селе, в санитарной колонне, которая обслуживала лазареты, находившиеся под патронажем императорской Фамилии.

Покровительствует молодому поэту из народа сам полковник Ломан, офицер при дворцовом коменданте. Хорошо известна по публикациям фотография полковника вместе с Распутиным...

Поэт представлен Ломаном императрице Александре. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустны. Я ответил ей, что такова вся Россия... Был удостоен золотых часов...

Как бы дальше сложилась дворцовая карьера, неизвестно. Распутин был убит. Псконные мужчики выходили из моды. Пришел интеллигентско-буржуазный февраль 1917-го. Дезертировав из армии, Есенин отправляется в свой Канзас, то ли Вермонт - в село Константиново Рязанской губернии. На лето и осень.

Вместе с октябрем. Возвращается обратно в столицу. Как и положено молодому романтику, ему нравится начавшийся кавардак. Перебирается в Москву вслед большевистскому правительству. Вместе с советской властью покинул Петроград...

А дальше жизнь вращается бешеной каруселью. И можно, наверное, написать не роман даже - эпопею. Но без Джека Лондона нам тут не обойтись.

В декорациях военного коммунизма, разрухи - "великая депрессия", черт ее побери. На фоне базарного эпха. Стихи и гульба. Журналы и женщины. "Стойло Пегаса" и "Гостиница для путешествующих в прекрасном".

"На второй день в Петербурге пошел дождь... Есенинская золотая голова побурела, а кудри свисали жалкими писарскими запятыми... Бегали из магазина в магазин, умоляя продать нам без ордера шляпу.

В магазине, по счету десятого, краснощекий немец за кассой сказал:

- Без ордера могу отпустить вам только цилиндры.

Мы, невероятно обрадованные, благодарно жали немецу пухлую руку.

А через пять минут на Невском призрачные петербуржане выпустили на нас глаза, ириники готовы вслед, а пораженный милиционер потребовал:

- Документы!

Вот правдивая история появления на свет легендарных и единственных в революции цилиндров, прославленных молвой и воспетых поэтами" (А.Мариенгоф, "Роман без вранья").

"Мать моя - родина, я - большевик" - "Я московский озорной гуляк". "Русь советская" - "Москва кабацкая". Белая горячка - "Черный человек". "Улица имажиниста Есенина". Имажинизм - алкоголизм. Райх - Дункан - Толстая. Америка.

"Я думаю, что каждый ребенок рождается гением. Те, кого мир именует гениями, когда они вырастают, по-моему, просто дети, счастливо избежавшие образования. Вот гений. Вот молодая Россия. Шальной, сильный, полный жизни. Поэтичный." (Из интервью Айседоры Дункан, 1923 г., США.)

Но вдруг чудесная карусель остановилась...

Уже тихо и молча ушел Александр Блок. Уже расстрелян Гумилев. Настанет скоро час Маяковского выстрелил в сердце. Еще будет петь для Марии Цветаевой. А пока Петроград, "Англете", ремень американского чемодана обвился по шее Есенина, труба парового отопления обожгла лицо...

Слушай, душа моя! Ведь и раньше, еще там в Москве, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь, теперь злое уныние находится на меня. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской.

По-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь." (Из письма Кумикову, 7 февраля 1923 г.).

На месяц ошибся. Скрывался декабрь. А собака понавешала позже... "Предназначенное расставанье обещает встречу впереди..."

Нынешние версии об убийстве Есенина приобрели такой размах, о каком алчущий славы поэт лишь мечтал, пожалуй. Вместо "золотого века" русской поэзии наступил какой-то странный "золотой век" детектива. Чем громче преступление, тем оно громче остается нераскрытым. Куда уж там проникнуть в тайны давно минувших дней. Но именно это и пытаются делать. Хотя заранее ясно, что эти тайны так и останутся не-раскрытыми. Особенное, когда они надуманы.

Всегда хочется выдающемуся человеку придумать подходящее житие - он или праведник, если долго жил и многое успел, или мученик, которому пристало иметь свою Голгофу, своего Иуду, своего Понтия Пилата, и (это уж непременно) какой-нибудь злобный синдром.

Все действительно так в человеческой жизни и смерти, но только не стоит буквально следовать в своих поисках библейским образцам. Великая притча становится тогда скверным анекдотом. И жизнь горько смеется над людьми, которые из века в век так и остаются, похоже, невеждами, странными слепцами, что жалуют в ущерб очевидному вгнать действительность в заготовленные рамки...

Игорь ТЕПЛОВ

гружалась Атлантида. Отлетали последние золотые листья серебряного века...

"И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа..." (Из письма Марииенгофу, 12 ноября 1922 г.)

Романтически принятая революция и советская власть в конце концов вызывали только болезненное раздражение.

"Тошно мне ЗАКОННОМУ сыну российскому в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это бледское синхронитальное отношение власти имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей Богу не могу. Хоть караул кричи или бери ножа становись на большую дорогу.

Теперь, когда от революции остались только клюни да трубки, теперь когда там жмут руки тем, кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что ты и я будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать.

Слушай, душа моя! Ведь и раньше, еще там в Москве, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь, теперь злое уныние находится на меня. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской.

По-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь." (Из письма Кумикову, 7 февраля 1923 г.).

На месяц ошибся. Скрывался декабрь. А собака понавешала позже... "Предназначенное расставанье обещает встречу впереди..."

Нынешние версии об убийстве Есенина приобрели такой размах, о каком алчущий славы поэт лишь мечтал, пожалуй. Вместо "золотого века" русской поэзии наступил какой-то странный "золотой век" детектива. Чем громче преступление, тем оно громче остается нераскрытым. Куда уж там проникнуть в тайны давно минувших дней. Но именно это и пытаются делать. Хотя заранее ясно, что эти тайны так и останутся не-раскрытыми. Особенное, когда они надуманы.

Всегда хочется выдающемуся человеку придумать подходящее житие - он или праведник, если долго жил и многое успел, или мученик, которому пристало иметь свою Голгофу, своего Иуду, своего Понтия Пилата, и (это уж непременно) какой-нибудь злобный синдром.

Все действительно так в человеческой жизни и смерти, но только не стоит буквально следовать в своих поисках библейским образцам. Великая притча становится тогда скверным анекдотом. И жизнь горько смеется над людьми, которые из века в век так и остаются, похоже, невеждами, странными слепцами, что жалуют в ущерб очевидному вгнать действительность в заготовленные рамки...

Игорь ТЕПЛОВ